

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23:39

СПЕЦИФИКА АНТРОПОНИМИЧЕСКИ АКТУАЛИЗИРУЕМОГО ОБРАЗА

О.В. Голубева

Смоленский гуманитарный университет, Смоленск

Настоящая статья посвящена исследованию формирования образного компонента антропонимически передаваемого знания о человеке, моделированию данного процесса.

Ключевые слова: антропонимически репрезентированное концептуальное содержание, образный компонент.

Проблема типологии и структурной представленности знаний, а также исследование процессов отражения и переосмысления

«... требует последовательного учёта специфики индивидуального сознания и подсознания, особенностей психического отражения и связанного с ними разграничения языковой и неязыковой форм репрезентации и хранения в памяти человека различающихся по своему содержанию знаний» [6, с. 18].

Отсюда возникает психолингвистическая трактовка значения единицы языка как субъективного «усвоения опредмеченных в слове способов его употребления» [9, с. 89], где «специфические языковые связи являются частью более общего ассоциативного поля» [19, с. 61], имплицитного широким набором актов глубинной предикации, обеспечивающих выход на весь предшествующий опыт человека (перцептивно-когнитивно-аффективный) [7, с. 124].

Данный подход наиболее соответствует тому, что в нашей работе называется антропонимически репрезентированным концептуальным содержанием (далее – АРКС), объёмом хранимых в памяти разносторонних сведений о мире, передаваемых антропонимом в коммуникации и являющихся неотъемлемой частью индивидуального, живого знания о мире. Объектом изучения настоящей статьи является структура образного компонента АРКС как целостного представления о носителе имени, своеобразного вектора его идентификации. Предметом выступают этапы формирования и моделирования данного феномена.

Будучи результатом избирательного субъективного отражения предметов и явлений объективного мира [10, с. 85–86], образ трактуется как итог чувственного познания, субъективный по содержанию и знаковый по форме [4, с. 43–52]. Взаимосвязь интеллектуальной и перцеп-

тивной деятельности, где первая придаёт направление второй [12, с. 50], формирует и его мыслительное воплощение (представление) в ходе речемыслительной деятельности. Субъективное восприятие объекта осуществляется согласно набору перцептивных схем [11], а также зафиксированных в памяти релевантных черт стимула («следов») [15], что обеспечивает «взаимопроникновение наглядной внутренней “картинности” и слова» [5, с. 169]. Структурными опорами при создании (переживании) целостного образа выступают признаки, релевантные для субъекта *ad hoc*. Данный психический феномен является социально обусловленным вследствие единства процессов восприятия, понимания и оценки людьми окружающего мира.

Образ объёмен благодаря нервным узлам, детерминирующим сознание и формирующим живое, наполненное чувственной тканью психическое образование [2, с. 8–18], голографичен: многомерные изображения получают конфигурацию в рамках опыта субъекта, а выделенный фрагмент отражает знания об объекте, когнитивных контекстах их осмысления и эмоциональном отношении (подробнее см.: [6]). Переход от чувственных образов к мыслительным как вторичной схематизации (*second-order mapping*) нейронных процессов при взаимодействии объекта и организма [18, с. 138], а затем к понятиям предполагает категоризацию сведений о предметном мире. Отсюда репрезентация и хранение знаний осуществляются двумя взаимосвязанными системами, где «образная активизирует вербальную, а вербальная – образное представление» [14, с. 133–169].

Признавая, что «предметность заложена в мозгу в виде модельного мира, который разворачивается при идентификации» [6, с. 115–116], для обозначения этапов данного процесса необходимо определить структурную основу образного компонента АРКС, а также динамические модели его формирования, т.е. извлечения из памяти соответствующего образа-представления под воздействием имени. Мы исходим из того, что индивидуальное знание есть сложная структурная взаимосвязь перцептивно-когнитивно-аффективных составляющих, обнаруживающих специфику при многочисленных переходах между уровнями представленности в памяти (о психолингвистической теории слова с опорой на концептуальный образ мира см.: [5–7]). Сказанное позволяет предположить, что образный компонент АРКС, как часть индивидуального знания, содержательно также обусловлен знанием перцептивно-когнитивно-аффективного характера, которое даётся субъекту через признаки, эталоны памяти, личные переживания.

Для определения основы знаний о возможном носителе имени и реконструкции его целостного образа необходимо извлечь из памяти релевантную информацию о «портрете класса объектов» [3, с. 159] (денотате), входящую в концепт «Человек» и являющуюся отправным

пунктом формирования АРКС в целом и её образной составляющей, в частности. Значимость стратегии характеристики и вербализации через отнесение к классу доказывает анализ этимологии 3861 имён. Так, признаки, на основе которых когда-то передавалось знание о первом носителе имени, позволяют воссоздать его образ: «психофизические особенности» («внешность» *Brice, Gwen* – 221 случай; «характер» *Abigail, John* – 214); «отношение к объекту» (*Agatha, Paul*) – 195 и т.д. [17]. Исходя из того что внутренняя форма антропонима во многом утрачена, данный комплекс признаков при создании образа денотата имени можно рассматривать только как потенциальный. Для выяснения образной основы АРКС мы провели ряд экспериментов при участии 37 студентов Смоленского гуманитарного университета. Стимулами были антропонимические комплексы *Elizabeth Tomson, Lynn O'Brian, Sean Mackenzie*.

Согласно результатам свободного ассоциативного эксперимента выделенность обрели признаки «этническая принадлежность» (15), «психофизические особенности» (внешность, возраст, характер – 11), «половая дифференциация» (10). Вербализация признака «психофизические особенности» была в целом атрибутивной (*красивая, молодая* и т.д.). Признак «этническая принадлежность» передавался через парадигматические (*ирландец, китаец* и др.) и синтагматические реакции (*из Америки, ирландского происхождения*). Актуализация признака «принадлежность к человеческой расе» фиксировалась дважды, но есть случаи обращения к более общему понятию «живое существо» (2). Отсюда, процесс идентификации референта через антропоним имеет много общего с интеграцией информации об образе носителя, заложенной в этимологии: при реконструкции образа-представления выделяются те же ядерные признаки, позволяющие соотнести имя с любым человеком вне контекста или ситуации.

Основными выступают механизмы генерализации, фокусировки и глубинной предикации. Первый определяет отнесение к суперординате как средству, обеспечивающему «имплицитную референцию», что делает референциальный акт неотделимым от акта глубинной предикации [1, с. 22–23]. Когнитивный механизм фокусировки задаёт выдвижение непосредственного охвата знаний о человеке (*immediate scope*), а сам концепт «Человек» выступает максимальным охватом знаний о денотате (*maximal scope*) [20, с. 49–53]. Используя механизм глубинной предикации, реципиент в рамках собственного видения мира осуществляет смысловую замену «имя – человек», визуализируя общий, схематичный образ возможного референта. Подобное извлечение из памяти образа-схемы при воздействии стимула-антропонима обозначено нами как образно-денотативная модель, отражающая интеграцию перцептив-

ных (общий психофизический портрет), когнитивных (схемы, эталоны) знаний о денотате и аффективных реакций, задающих яркость образа.

Сведения о человеке, носящем имя, не могут ограничиваться общими характеристиками образа денотата. Они предполагают широкий круг сведений о возможных социальных ролях индивида, т.е. подключение смежных концептов в процессе функционирования знаний о носителе имени. Анализ этимологии задаёт когнитивные контексты спецификации образа денотата: концепты «Общество», «Пространство», «Природа», «Религия», «Время», «Культура». АРКС формируется в зависимости от признака/признаков, актуальных в высвеченном фрагменте реальности и переданных именем: «род деятельности» – в 405 случаях (*George, Harper*); «социальные отношения» – 371 (*Adelaide, Albert*); «место» – 314 (*Adrian, Brand*) и т.д. [17]. Значит, изучение внутренней формы имени позволяет составить комплекс признаков и выработанный «алфавит образов» [8, с. 57], которыми обладает субъект.

Однако результаты указанного эксперимента подтверждают, что и без знания этимологии испытуемые (далее Ии.) демонстрируют схожие «следы» памяти и обращаются к тем же когнитивным контекстам. Так, реакции (парадигматические и синтагматические) позволили выявить следующие признаки: «род деятельности» (64), причём наибольшую популярность обрели профессии актёра/актрисы (15), писателя/писательницы (10), политика (8) по сравнению с единичными *убийца, наркоторг* и т.д. Данный признак задаёт обращение к когнитивным контекстам, связанным со сферами деятельности (телевидение, наука, музыка и т.д. – 14 реакций). При осмыслении знаний о возможном референте в когнитивном контексте «Техника» отмечен признак «результат деятельности» (16 ответов: *автомат, машина, книги* и т.д.). Другие контексты выдвигают признаки «место» – 10 (*Америка, Англия, Москва* и т.д.), «положение в обществе» – 9 (*аристократ, королева*), «семейные/социальные отношения» – 6 (*мать, дочь* и т.д.), «природные объекты» – 5 (*море, луна* и т.д.), «время» - 3 (*май, early morning* и т.д.). Выявлены абстрактные понятия, связанные с культурными ценностями общества – 8 (*красота, предательство* и т.д.). Очевидна эмоциональная окраска возникающего под воздействием имени образа, отражённая в реакциях (*ночной Гонконг, средневековый замок* и т.д.). Отмечена смысловая группировка реакций, что имплицитно обращает к фрейму при создании образа (*politician – speaker – the 20th century* и т.д.).

Подтверждением того, что идентификация антропонима идёт путём выявления отношений субъективной эквивалентности между вербальным знаком и потенциальным образом референта, возникающим благодаря обращению к нужным когнитивным контекстам, стал ассоциативный эксперимент, в ходе которого Ии. предлагалось нарисовать объект, обусловленный именем (использовались те же антропонимы).

Так, графическое воплощение образа *Elizabeth Tomson* сводилось к рисунку девушки/девочки (7 раз) в старинной одежде (4), с короной (2) или замещению атрибутами королевской власти (3). Выделение признака «род деятельности» наблюдался 3 раза (изображения актрисы, гувернантки и т.д.). Обращения к артефактам (автомат, гитара, корабль), природным объектам (цветок, солнце и т.д.), непонятным графическим знакам и аббревиатуре единичны. Образы под воздействием других имён связывались в большей степени с предполагаемой деятельностью. Образ *Lynn O'Brian* ассоциировался с книгой/автором (8), женщиной/мужчиной (4), включёнными в различные фреймы, например, «чтение» – «девушка, читающая книгу» и т.д. Артефакты и природные объекты-замены представлены единично, но гораздо разнообразнее: женский сапог, собака, пьющая вино и т.д. Образ *Sean Mackenzie* передаётся большим перечнем профессий: рыбак, актёр на фоне сцены, пират, футболист и т.д., выглядит брутальным и связывается с потенциальным фреймом-ситуацией (мужчина работает за компьютером и курит, поднимает гири и т.д.).

Отсюда когнитивной основой в создании детализированного образа носителя имени являются стереотипные представления о ролях, которые выполняет индивид в социуме, взятом в пространственно-временных рамках. Значимая роль принадлежит механизму глубинной предикации, так как образ и формирующие его релевантные признаки могут быть для индивида субъективно эквивалентны некому специфичному эталону, задающему смысловую замену денотата, вербализуемому в дескрипциях (*жена учёного, помогающая в научной деятельности; значимый человек, возможно политик*). Сказанное выше позволяет утверждать наличие образно-функциональной модели формирования образа потенциального референта, в рамках которой благодаря когнитивным механизмам, эталонам, возникающим связям и отношениям происходит развитие образа-денотата посредством контекстуализации, что отражено в ассоциативном поле имени.

В отличие от глубинного образа-денотата, который благодаря проецированию на иные контексты преобразуется в функционально обусловленное представление, эквивалентное ряду потенциальных референтов, формирование образа носителя имени в конкретной ситуации общения имеет определённую специфику. Первым таким отличием является конкретность, сопровождаемая значительным увеличением дифференциальных признаков и контекстов осмысления. Данный образ соотносим только с единичным референтом и становится основой личностного знания о референте *ad hoc*, портретом конкретного человека, труднотренируемым, крайне субъективным. Подобный образ может находить вербализацию в тексте и приобретать большую ясность и осознанность. Так,

Mr. Bingley was good-looking and gentlemanlike: he had a pleasant countenance, and easy, unaffected manners... His friend, Mr. Darcy soon drew the attention of the room by his fine, tall person, handsome features, noble mien, and the report, which was in general circulation within five minutes after his entrance, of his having ten thousand a year [16, с. 29–30].

Отбор признаков при наличии референта обусловлен перцептивными и когнитивными установками индивида. Например, вербализация признаков «социальное положение» и «психофизические особенности» и посредством «good-looking» и «gentlemanlike» задаёт их детализацию «fine, tall person», «noble mien», «easy, unaffected manners», т.е. аудитория использует и перцептивную информацию, и «следы» памяти, релевантные в конкретной ситуации.

Другим отличием образа конкретного референта является лишь частичная возможность его соотнесения с иным носителем того же имени, как правило, за счёт интегральных признаков образа-денотата («принадлежность к человеческой расе» и т.д.). Субъективность отбора дифференциальных признаков, увеличение их числа, неоднозначность эмоциональных реакций определяют кардинальные отличия при активизации образов референтов, именованных одинаково. Это ведёт к невозможности формирования образа референта, например, по имени *Ольга* в силу полиреферентности, а значит, полиобразности носителей, хотя ряд таких попыток предпринимался. Так, образ *Ольги* задаётся признаком «психофизические особенности» (высокая, крепкая, темно-волосая), эмоционально-оценочными характеристиками («соль земли») [13]. (Стоит сказать, что автор статьи, даже с учётом лести самой себе, едва ли соответствует данному вербальному портрету).

Третьей отличительной чертой является формирование социального обусловленного образа-эталона успешного носителя имени, что обеспечивает проекцию выделенных признаков эталона на образ конкретного объекта именованного. Например, обращение к образу Елизаветы II и других известных лиц (*Шон Коннери* и т.д.) посредством используемых в эксперименте антропонимов.

Сказанное выше позволяет предположить наличие образно-ситуационной модели создания образа носителя имени, где последний получает портретную конкретизацию и индивидуализацию, наибольшее насыщение выводной информацией, а также невозможность обобщения в условиях полиреферентности. Опора осуществляется на релевантные ситуации перцептивные признаки, а также социально обусловленные психологические ориентиры. Данный процесс идёт при помощи механизма глубинной предикации (идентификация через цепочку смысловых замен), а также профилирования при соотнесении перцептивного материала с эталонным образом другого носителя.

Следовательно, стратегия идентификации референта через имя может реализоваться по указанным выше трём когнитивным моделям: образно-денотативной, предполагающей активацию глубинного образа денотата-человека, образно-функциональной, задающей выход на иные контексты осмысления, и образно-ситуационной, позволяющей создать образ единичного референта, обусловленный перцептивной информацией, социальными эталонами и ситуационными фреймами, имплицитными образами и к различным когнитивным контекстам, и глубинному образу-денотату. Предложенные модели не изолированы друг от друга, они могут применяться осознанно или бессознательно в зависимости от установок, мотивов, особенностей сознания индивида, а также внешних факторов. Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о значимости образной составляющей АРКС, её структурной многоаспектности, концептуальной многообразии, эмоционально-чувственной обусловленности. Именно изменения в структуре и содержании целостного образа, формируемого под воздействием антропонима, объясняет специфику последнего в системе языка.

Список литературы

1. Барсук Л.В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции [Текст] / Л.В. Барсук // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека / под ред. А.А. Залевской. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – С.21–55.
2. Василюк Ф.Е. Структура образа [Текст] / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С.5–19.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов [Текст] / Л.М. Веккер. – М. : Смысл, 1998. – 685 с.
4. Губанов Н.И. Чувственное отражение (анализ проблем в свете современной науки) [Текст] / Н.И. Губанов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.
5. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования [Текст] / А.А. Залевская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 204 с.
6. Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования : монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992. – 135 с.
7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. [Текст] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 542 с.
8. Зинченко В.П., Вегилис Н.Ю. Формирование зрительного образа [Текст] / В.П. Зинченко, Н.Ю. Вегилис. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 106 с.
9. Леонтьев А.А. Психология общения : учеб. пособие для вузов [Текст] / А.А. Леонтьев. – 2-е изд. доп. – М. : Смысл, 1997. – 363 с.

10. Ломов Б.Ф. Проблема образа в психологии [Текст] / Б.Ф. Ломов // Вестник АН СССР. – 1985. – № 6. – С. 85–92.
11. Найссер У. Понимание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии [Текст] / У. Найссер : пер. с англ. ; общ. ред. Б.М. Величковского. – М. : Прогресс, 1981. – 230 с.
12. Пиаже Ж. Генезис восприятия [Текст] / Ж. Пиаже // Экспериментальная психология ; пер. с франц. ; ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Вып. VI. – М. : Прогресс, 1978. – С.13–87.
13. Флоренский П.А. Имена [Текст] / П.А. Флоренский. – СПб. : Авалонь : Азбука классика, 2007. – 336 с.
14. Хофман И. Активная память: Экспериментальное исследование и теории человеческой памяти [Текст] / И. Хофман : пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986. – 312с.
15. Шехтер М.С. Зрительное опознавание: Закономерность и механизмы [Текст] / М.С. Шехтер. – М. : Педагогика, 1981. – 264 с.
16. Austen, J. *Pride and Prejudice* [Текст] / J. Austen. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1961. – 386 с.
17. Behind the Name: the Etymology and History of First Names [Электронный ресурс]: [электронный словарь]. Режим доступа: <http://www.behindthename.com>. – Дата обращения: 18.02.2013. – Загл. с экрана.
18. Damasio, A. & Parvizi, J. Consciousness and brainstem [Текст] / A. Damasio, J. Parvizi // *Cognition* (79). – 2001. – P. 135–159.
19. Deese, J. The structure of associations in language and thought [Текст] / J. Deese. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1965. – 216 p.
20. Langacker, R.W. Grammar and Conceptualization [Текст] / R.W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – 427 p.

SPECIFICATION OF ANTHROPNYM-REPRESENTED IMAGE

O.V. Golubeva

Smolensk University for Humanities, Smolensk

The paper covers studies of anthroponym-represented image formation, which is a part of anthroponym-represented conceptual content, and the ways of mapping this process.

Keywords: *anthroponym-represented conceptual content, anthroponym-represented image.*

Об авторе:

ГОЛУБЕВА Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков и перевода Смоленского гуманитарного университета, e-mail: 2008golubeva@rambler.ru

Научная библиотека ТвГУ